

ПАМЯТИ ДРУГА

Соловей на старом кладбище
В молодой листве весны.
Соловей на старом кладбище,
В утешение родным.

Соловей над тихой Сетунью
Разливается, звенит.
На судьбу свою не сетую
В подосиновой тени.

Под еловыми ладонями,
По-над медленной водой,
Под раскидистыми кронами,
Вот он я – почти седой.

А дыхание всё молодо,
Сердце бьется в такт шагам.
От воды вечерним холодом
Так и тянет по ногам.

А река журчит, и кажется –
Лету трогаю ногой.
По каким нездешним пажитям
Ты гуляешь, дорогой?

Облака к закату грудятся,
Даль весенняя свежа.
За какой межою трудится
Вечно юная душа?

Не забыть сиянья млечного
На целованном челе.
Не развяжется и в Вечности,
Что связалось на Земле.

КИПРЕЙ

Только солнце июня пригреет,
Только травы раздышатся пряно,
Бездорожьями и пустырями
Загораются свечи кипрея.

Приминая стопами босыми
Белый клевер, солодку и донник,
Видишь – старые вырубки тонут
В этом пурпурно-розовом дыме.

Нам бы глаз не смыкать до рассвета,
Воробьиное утро встречая,
Чтоб увидеть, как строй Иван-чая
Стережёт проходящее лето.

Тихий омут осенний, бездонный,
Там, за пологом летнего рая.
Но покуда кипрей не сгорает,
Удержу это лето в ладонях –

И короткие светлые ночи,
И жару бесконечными днями.
Пусть кипрей прорастает корнями
И в мою немудрёную почву.

Пусть горит. Мне известна примета
Невесомого, тихого счастья.
Буду жить. И свеча не погаснет
У порога предвечного света.

ШУПАШКАР

Обручённое с осенью лето в плену облаков
Не слепыми дождями исходит, а соком арбузным.
На исходе июль, и игры распорядок таков –
Снова солнечный шар покотился в закатную лузу.

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Странное дело – движенье ночное.
Гулкое, словно во сне,
Верное, мерное пенье стальное,
Эхо в пустой тишине.

Соло гудка на пустом переезде,
Оторопь заспанных крыш.
Скоро ли, скоро ли будем на месте?
Спи, беспокойный малыш.

Ранена ночь в нашем сумрачном квесте
Этим протяжным гудком.
Скоро мы, скоро мы будем на месте,
Знать бы уже, на каком.

Вой бередит предрассветные раны
Не у тебя одного.
Это бежит в незнакомые страны,
Это кричит тепловоз.

Криком прогнав дождевую истому,
Молит стальную судьбу:
Буду ли, буду ли жить по-другому?
Буду ли, буду ли, бу...

МОСКОВСКОЕ

Здесь огромное стало большим,
А большое становится малым.
В этом море людей и машин
Небоскрёбы вздымаются валом.
Здесь разлука в порядке вещей,
На бегу всё случайнее встречи.
Весь в заботах, как в модном плаще,
Я московский смешной муравейчик.

Я люблю этот город. Во мне
Те же токи по всем капиллярам.
В предзакатном небесном огне,
В неприкаянном свете янтарном,
Пронизая пространство насквозь
Проводами от точки до точки,
Он незримо и прочно пророс
В истощённую временем почву.

Догорает усталый закат,
Чайный цвет заменив на кофейный.
Темноте подступившей не рад,
Зажигает огни муравейник.
Ярче окна, чем вечер темней.
Взять мозаикой бы и собрать их.
Посреди миллионов огней
Ищешь взглядом свой чёрный квадратик.

Обречённое лето течёт и течёт через край,
И закат за закатом в оконном стекле догорает.
Кто найдёт в этом городе душном потерянный рай,
Тот не встретит закатов красивее этого рая.

Солнце тонет в реке, в небеса выпуская луну,
И выходит дозором луна, не спеша и надолго.
Кто-то любит всю жизнь этих улиц твоих кривизну,
Одинокие ночи встречая над медленной Волгой.

В этой тихой ночи не твоим раздаваться шагам,
Не тебе запирать себя в цепкой и липкой неволе.
Кто-то должен уехать отсюда к другим берегам,
Кто-то должен найти свою долю в далёком раздолье.

В первых жёлтых листках тихо тлеет грядущий
пожар,
И всё те же закатные в окнах пылают пожары.
Над великой рекой никуда не спешит Шупашкар,
Из июля в сентябрь днём и ночью плывут
Чебоксары.

РОМАНС

Когда короткий день промчит бегом,
Когда январский вечер будет долог,
Ребёнок мой найдёт фотоальбом,
Забывтый где-то в недрах книжных полок,
С надорванным помятым уголком.

На старых фото жизни карусель.
То синяки, то финики, то фиги.
Дни, вязкие, как бабушкин кисель,
И долгие, как дедушкины книги,
Одно и то же, словно карусель.

И донесутся вдруг издалека
Слова, что в гнев брошены когда-то,
Тяжёлые, как папина рука,
Шершавые, как мамины заплаты,
Всплывают как во сне издалека.

Но сколько злая память ни кричи,
Не станут фото ни на каплю резче.
Дай Боже мне детей не научить
Носить мои загасканные вещи,
Дай Бог моих детей не научить.

Дай Бог держать обиды на нуле,
Друг другу ничего в укор не ставить.
Дай Боже им совсем иную память,
О том, как было вместе на Земле,
О тех, кого любили на Земле.

СОЛНЦЕ НОЯБРЯ

Да сбудется всё, что мне свыше назначено. Давит и давит в груди.
Но по волшебству, говорят, не иначе как, остановились дожди.
Осеннее солнышко, будто стеклянное, катится, тихо звеня.
И темень сырая, тоска окаянная, вдруг отпустила меня.

Хлебнув под завязку промозглого лиха, я, словно челнок в два весла,
Вплываю в глубины осенние, тихие, словно озёрная гладь.
А в небе прозрачном, холодном и чистом, недвижим косяк облаков.
Дышу ноябрём – упоительно, истово, в ритме грядущих стихов.

Последние листья, как рыбы чешуйки, сквозняк по дороге метёт.
Под носом у заспанной облачной шуки блесной просквозил самолёт.
Пропел в тишине, басовито, негромко, неведомо мне, для кого...
И низкого солнца на облачной кромке недвижно застыл поплавок.

Неяркого света нежданной отрадой комок растопило в груди.
Постой, снегопад, у пустынного МКАДа, дороги белить погоди.
Пусть ночью зима подкрадётся незваною. Медленно, словно во сне,
Такой неожиданный и долгожданный, мой город укутает снег.

ВОДОМЕРКА

Есть такие места в нашем северном летнем раздолье:
Если вдруг захотелось побыть одному в тишине,
Ты с дороги сойди где-то между Лесным и Привольным,
Где в полуденный зной и комар поленился звенеть.

Побредёшь наугад, без оглядки – что будет, то будет.
По заросшей тропе, через дикой малины кусты.
Набрёдёшь на забытый-затерянный старенький прудик
Разорённой усадьбы, чьи окна столетье пусты.

Купыри да осока, а выше – развалины церкви.
И застыли, спускаясь к пруду, за ветлою ветла.
По спокойной стоячей воде просквозит водомерка,
Не заметит её эта тихая сонная гладь.

Так и жизнь пронесётся – легко, бесполезно, нелепо.
Ни врагов, ни забот, ни тревоги, ни близкой беды...
Водомерка скользит в отражении близкого неба,
Над глубинами мутной от ила, стоячей воды.

Что сегодня напомним она невеликому клерку?
Что своей борозды за собой не оставить нельзя.
И подумаешь – глупо прожить эту жизнь водомеркой,
По поверхности мыслей и чувств суетливо скользя,

Без нырков и без взлётов, без слёз, без потерь и открытий,
Как лихого конька, водяного клопа оседлать,
По вечерней воде укатить к горизонту событий,
Позади оставляя такую же ровную гладь.

Но за вечером утро над нашим невзрачным болотом
Пряным запахом трав разольёт с ветерком благодать.
А вокруг – наливаются алым сияньем высоты,
И, пылая рассветом, зовут научиться летать.